

RU

Поздние комедии А. Ф. Писемского в диалоге с русской комедийной традицией XVIII века

Александрова И. В., Казарян Н. С.

Аннотация. Цель исследования – выявить формы преемственности поздних пьес А. Ф. Писемского «Хищники» и «Финансовый гений» по отношению к русской общественной комедии XVIII века. Научная новизна: впервые поздние комедии Писемского рассматриваются в аспекте их ориентации на диалог с национальной жанровой традицией, берущей начало в пьесах XVIII века. Установлено, что комедии Писемского вступают с традицией в диалог, о чем свидетельствует их сходство с комедиями Я. Б. Княжнина «Хвастун» и В. В. Капниста «Ябеда». Обнаружены сходжения в сфере проблематики, сюжета, мотивов, персонажной системы, поэтики финала, приемов характерологии. В «Финансовом гении», как и в «Хвастуне», разоблачается ловкий обман, сходны мотивы самозванства и хвастовства. Связь «Хищников» с «Ябедой» на уровне проблематики проявляется в обличении общественного «бедствия», которое в обеих комедиях занимает место главного действующего лица; комическое отступает на задний план, в финалах транслируется мысль о неискоренимости социального зла, что приносит трагедийные обертоны. Ориентация Писемского на художественный опыт комедиографов XVIII века свидетельствует о непрерывности бытования русской комедийной традиции в литературе следующего столетия.

EN

A. F. Pisemsky's late comedies in the dialogue with the Russian comedy tradition of the 18th century

I. V. Aleksandrova, N. S. Kazaryan

Abstract. The aim of the research is to reveal the forms of continuity of A. F. Pisemsky's late plays "The Predators" and "Financial Genius" to the 18th century Russian social comedy. Scientific novelty: Pisemsky's late comedies are considered for the first time in terms of their orientation towards a dialogue with the national genre tradition, originating in the plays of the 18th century. It has been established that Pisemsky's comedies enter into a dialogue with the tradition, as evidenced by their similarities to Y. B. Knyazhnin's "The Boaster" and V. V. Kapnist's "The Sneak". Similarities have been found in the sphere of problems, plot, motives, character system, finals' poetics, and characterology techniques. In "Financial Genius", as well as in "The Boaster", cunning deceit is exposed, and the motives of imposture and boasting are similar. The connection of "The Predators" with "The Talebearer" at the level of the problem is manifested in the condemnation of the social "calamity", which in both comedies takes the place of the main character; the comic fades into the background, the finals convey the idea of the incurability of social evil, which brings in tragic overtones. Pisemsky's orientation towards the artistic experience of the comedy writers of the 18th century testifies to the continuity of the Russian comedy tradition in the literature of the following century.

Введение

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения комедий А. Ф. Писемского, в частности в контексте русской комедийной традиции, для формирования целостной картины динамики жанра в отечественной литературе XIX века. Драматургия Писемского – наименее освоенная литературоведением часть его творчества, без изучения которой «представление о мастерстве писателя будет далеко не полным» (Манькова, 1986, с. 3). Следует отметить отчетливо наметившийся в последние годы интерес к исследованию комедий автора в аспекте их связи с национальной комедийной традицией, чему посвящены работы О. В. Тимашовой (2014; 2018), Н. С. Казарян (2022; 2023).

Достижение обозначенной цели исследования предполагает решение следующих задач: рассмотреть особенности диалога поздних комедий А. Ф. Писемского «Хищники» и «Финансовый гений» с общественными комедиями В. В. Капниста «Ябеда» и Я. Б. Княжнина «Хвастун», который реализуется на таких уровнях художественного произведения, как проблематика, способы отражения действительности, сюжет, мотив, система персонажей, приемы характерологии; выявить сходные черты поэтики финала.

Материалом исследования послужили следующие источники:

- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Издательство АН СССР, 1952. Т. 8.
- Капнист В. В. Избранные произведения / вст. статья Г. В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л.: Наука, 1973.
- Княжнин Я. Б. Избранные произведения / вст. статья, подг. текстов и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1961.
- Писемский А. Ф. Письма / подг. текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.
- Писемский А. Ф. Полное собрание сочинений: в 24-х т. СПб. – М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1896. Т. 22.
- Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.

Теоретической базой исследования являются литературоведческие работы, предметом которых выступает теория диалога, функционирование традиции в художественной литературе, а также русская комедийная традиция. В частности, исследование опирается на теорию диалога, разработанную М. М. Бахтиным (1979), акцентировавшим внимание на продуктивной способности художественных произведений к творческому диалогу. М. Я. Поляков (1986) рассматривает традицию как реализацию художественной памяти, что обеспечивает временную непрерывность бытования того или иного явления в литературе. Фундаментальный труд П. Н. Беркова (1977) рассматривает историю русской литературной комедии, которая берет свое начало в XVIII веке. Работа Л. М. Лотман (1982) посвящена изучению путей развития драматургии 1860-1870-х годов, которая сохраняет общественный характер пьес прошлого века. Монография О. Б. Лебедевой (2014) посвящена изучению поэтики и генезиса русской высокой комедии, представляющей собой устойчивую и продуктивную жанровую модель.

В статье использованы следующие методы исследования: типологический, благодаря которому оказалось возможным выявление общих черт комедий А. Ф. Писемского и комедийных текстов XVIII века; сравнительно-исторический, способствовавший обнаружению важнейших свойств комедийных моделей Писемского и его предшественников; герменевтико-интерпретационный, направленный на истолкование жанрового своеобразия анализируемых произведений, особенностей их поэтики; метод целостного анализа художественного текста, позволивший рассмотреть сопоставляемые комедии Писемского и драматургов XVIII столетия в единстве всех составляющих их формы и содержания.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов и выводов в вузовских курсах истории русской литературы XIX века, спецсеминарах и спецкурсах по истории русской комедии, по изучению драматургии А. Ф. Писемского.

Обсуждение и результаты

Одна из характерных черт русской литературы XIX века – ее опора на предшествующую традицию, которая воспринимается как «осуществление *художественной памяти*, существующей у писателей и являющейся одним из побудительных мотивов к творческому процессу (выделено автором. – И. А., Н. К.)» (Поляков, 1986, с. 417). Анализируя диалектику традиции и новаторства в литературе, М. Я. Поляков обращает внимание на результат влияния первой на каждое новое художественное произведение, в поэтике которого «“просвечивает”... наследие прошлого» (1986, с. 438). К анализу этого явления продуктивно подойти с позиций теории диалога М. М. Бахтина, согласно которой «два высказывания, отделенные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знаящие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)» (1979, с. 303-304). И. В. Александрова полагает важнейшей задачей, стоящей «перед исследователем истории русской комедии... анализ этого литературного явления в свете проблемы традиции и новаторства» (2013, с. 56).

Специфика русской комедийной модели, складывающейся с середины XVIII столетия, связана с обращением отечественных драматургов к воссозданию на сцене конфликтов, которые отражают современные авторам социальные проблемы (Благой, 1959, с. 14), особенности национальных нравов. Н. В. Гоголь определил подобные комедии как «истинно общественные» (1952, с. 400), причислив к ним «Недоросля» Д. И. Фонвизина и Грибоедовское «Горе от ума», поскольку в них представлены «раны и болезни нашего общества, тяжелье злоупотребленья» (1952, с. 396). К «Недорослю» возводит зарождение традиции русской общественной комедии и отечественное литературоведение (Макогоненко, 1969, с. 364).

Лучшие образцы русской общественной комедии XIX века несут на себе печать традиции комедии предшествующего столетия. Так, «Недоросль» и «Ябеда» оказали влияние на комедии А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя (Лебедева, 2014, с. 301), сюжеты и герои комедий Я. Б. Княжнина «Хвастун» и «Чудаки» (Гуковский, 1939, с. 369)

тоже нашли отражение в пьесах Гоголя (Веселова, Гуськов, 2003, с. LI), которые, в свою очередь, определили дальнейший вектор развития общественной комедии, представленной именами А. Н. Островского, А. В. Сухова-Кобылина, М. Е. Салтыкова-Щедрина (Лотман, 1982, с. 467), а также их современника – А. Ф. Писемского (Еремин, 1959, с. 30).

Поздние комедии Писемского «Хищники» (1873) и «Финансовый гений» (1876) наполнены серьезным общественно-политическим и социально-нравственным содержанием, что вполне соответствует разоблачительно-сатирической модальности комедийных пьес XVIII века. Писемский принадлежит к одним из первых русских драматургов, обратившихся к «изображению капиталистической России» (Манькова, 1986, с. 12). В поздних комедиях автор не ограничивается обличением частных пороков отдельных людей, разоблачению подвергаются «все общественные отношения» (Манькова, 1986, с. 12).

На значимость комедии «Ябеда» для художественного мира Писемского интерпретаторы его творчества обратили внимание достаточно давно. Так, И. И. Иванову (1898, с. 103) принадлежит наблюдение над связью романа Писемского «Взбаламученное море» с комедией В. В. Капниста. В статье А. П. Могилянского (1965, с. 170) приведен доклад цензора Н. А. Ратынского, который указал на связь комедии «Хищники» с «Ябедой», проявляющуюся в том, что обе пьесы обличают чиновничий аппарат, но с той разницей, что Капнист высмеивает мелких чиновников, а Писемский – высших, что и составляет, по наблюдению цензора, новаторство последнего. «Преследование всевозможных специально-чиновничьих доблестей» (Иванов, 1898, с. 103) является вообще одной из распространенных тем в русской литературе. Сатирическое обличение чиновничества входит в драматические произведения Д. И. Фонвизина, В. И. Лукина, М. И. Веревкина, однако в них порочным мелким чиновникам противостоят добродетельные высшие (История русского драматического театра, 1977, с. 172). В «Ябедо» содержится намек на то, что высшие чины ничем не отличаются от мелкой чиновничьей братии (Берков, 1977, с. 357), о чем свидетельствует реакция Доброва на намерение Прямыкова пожаловаться наместнику: «О боже! положи устам моим храненье!» (Капнист, 1973, с. 340). В «Хищниках» Писемский, по наблюдению С. А. Венгерова, обличил «нашу высшую бюрократию» (1884, с. 136), добродетельные чиновники отсутствуют, поэтому их оппозиция порочным снимается.

Если связь «Хищников» с «Ябедой» Капниста становилась предметом исследовательской рефлексии, то параллели комедии Писемского «Финансовый гений» и «Хвастуна» Я. Б. Княжнина до сих пор не отмечались ни критикой, ни литературоведением. Между тем представляется возможным выявить диалог с княжнинской комедией, проявляющийся на уровне проблематики, системы персонажей, а также способов обличения современной авторам действительности, в которой господствует роль протекции, ловкого обмана и афер, являющихся всеобщим социальным бедствием. В комедии Княжнина хвастун Верхолет лжет окружающим, что коротко знаком с придворной знатью, обещает чины, берет деньги взаймы у людей, которые верят ему, считая «графом». Такое поведение органично в условиях фаворитизма (История русской драматургии..., 1982, с. 152): легкость обмана Верхолета отражает реалии екатерининской эпохи, когда достижение чинов было обусловлено «случаем» (Русские драматурги..., 1959, с. 311). Несмотря на то, что пьеса Княжнина является переделкой «Значительного человека» Брюйеса, драматург настолько русифицировал эту прозаическую комедию, трансформировав ее в стихотворную и наполнив отечественными реалиями, что «Хвастуна» можно рассматривать как самостоятельное произведение (Веселова, Гуськов, 2003, с. XLVII). К нему вполне приложимо определение «общественная комедия», поскольку, по наблюдению Г. А. Гуковского, в центре внимания автора оказываются не конкретные человеческие пороки, а социальное явление в целом – «увлечение русского дворянства знатью, чинами и должностями» (1939, с. 369). В «Финансовом гении» представлены чиновники-коммерсанты, которым «все удается по щучьему веленью» (Венгеров, 1884, с. 173), автор обличает «атмосферу спекуляций и афер» (Лотман, 1991, с. 72). Финансовые дельцы, которые представляют «язву того времени» (Зелинский, 1895, с. 157), с легкостью «очищают карманы публики» (Венгеров, 1884, с. 173). Писемский в письме к П. В. Анненкову от 8 февраля 1876 г. с полным правом указывал на связь своей комедии с современной ему действительностью: в ней обличаются «глупая, продажная газетчина, фальшивые телеграммы, безденежные ложные векселя, явления, видно, слишком знакомые публике» (1936, с. 331).

В комедии «Хвастун» Верхолет со слугой Полистом «пускает пыль в глаза» окружающим. В «Финансовом гении» обманщиков вдвое больше: «коммерции советник» (Писемский, 1896, с. 288) Сосипатов, генерал-майор в отставке Прокудин, Говорков – «господин, неизвестно какие имеющий занятия» (Писемский, 1896, с. 288), Шемуа – «француз, тоже неизвестно зачем приехавший в Россию» (Писемский, 1896, с. 288).

В «Хвастуне» сюжетобразующим является мотив самозванства (Лебедева, 2014, с. 268), который нашел продуктивное воплощение в истории русской комедии, начиная с «Ненавистника» М. М. Хераскова (Лебедева, 2014, с. 269). У Княжнина этот мотив достигает кульминации, поскольку «исходной ситуацией комедии» (Лебедева, 2014, с. 270) является объявление Верхолетом себя графом («Так... ничего... я граф» (Княжнин, 1961, с. 319)). Мотив самозванства нашел отражение и в комедии Писемского: Сосипатов – тоже самозванец, убежденный в собственной гениальности и заставляющий товарища по делам, барона Кергофа, публиковать лживые статьи о себе как об успешном дельце: «...мы желаем побеседовать с нашими читателями об одном из замечательнейших людей нашего финансового мира» (1896, с. 289-290). Успехами в предпринимательской деятельности Сосипатов обязан барону Кергофу, в чем тот и признается: «...я работал, а вы на этом богатели и славу себе приобретали!» (Писемский, 1896, с. 324). И у Княжнина, и у Писемского герои-самозванцы настолько впечатляют и убеждают других персонажей, что те без малейшего сомнения предлагают им деньги,

нисколько не подозревая о том, что их водят за нос. Верховлет притворно сетует на то, что ему нужны деньги на женитьбу от якобы задолжавшего ему купца, на что Простодум отдает племяннику свои «три тысячи» (Княжнин, 1961, с. 324). Подобно Простодуму, приносят деньги Сосипатову его сестра, Ненила Петровна («сестра моя тот капитал, который я ей подарил, желает отдать мне в дело» (Писемский, 1896, с. 300)), и Прокудин («я вот принес вам последние мои двадцать пять тысяченок. Располагайте ими, как вам угодно» (Писемский, 1896, с. 310)).

Помимо самозванства, героев Княжнина и Писемского роднит безудержное хвастовство. «Бесстыднейшим хвастуном» (Княжнин, 1961, с. 371) называет Верховлета Честон. Перед Чванкиной Верховлет хвастает тем, что его имение размером с «Торжок и Тверь» (Княжнин, 1961, с. 351), перед Замиром – своими подвигами на войне («приступом взял ту страшную батарею» (Княжнин, 1961, с. 393)). В комедии Писемского Сосипатов ставит себя в один ряд с такими деятелями коммерции, как «Лессепс или там Пейрера» (1896, с. 302), после чего барон Кергоф, подобно Честону у Княжнина, называет героя хвастуном: «Несноснейший хвастунишка, какого когда-либо мир создавал!..» (1896, с. 302).

Хвастовство персонажей проявляется также в том, что они создают видимость международного уровня собственной деятельности, что позволяет им пускать пыль в глаза окружающим, сообщая о переписке с иностранными королями (Верхолет) или о статьях в зарубежных газетах о своих коммерческих успехах (Сосипатов: «...одобрение всей заграничной прессы: газеты французские, английские, немецкие и даже американские поместили в своих столбцах статьи, исполненные... пожеланий успеха предпринимателю» (Писемский, 1896, с. 291)). В действительности же и упомянутые письма, и резонанс в зарубежной прессе – фальсификация.

Подобно тому, как Верховлет раздаёт чины, Сосипатов также распределяет должности между плутами, которых он считает честными людьми. Синонимичными можно считать сцены, в которых к персонажам обеих комедий приходят за новыми должностями «просители». Простодум, поверивший в способность Верховлета раздавать «крупные» чины (Княжнин, 1961, с. 318), просит того поспособствовать его карьере, на что племянник отвечает: «Нет! я произвести хочу вас сенатором» (Княжнин, 1961, с. 320). Об остальных «облагодетельствованных» Верховлетом (внесценических персонажах) мы узнаем из его собственных реплик и слов его слуги (Княжнин, 1961, с. 343-344). В «Финансовом гении» к Сосипатову обращается Прокудин с просьбой получить «место директора» (Писемский, 1896, с. 311) в новом коммерческом предприятии, на что Сосипатов отвечает: «Первая же открывшаяся вакансия будет ваша» (Писемский, 1896, с. 317). Узнав о желании Шемуа «занять какое-нибудь видное место по коммерческой части» (Писемский, 1896, с. 326), финансист обещает поручить ему «весь иностранный отдел» (Писемский, 1896, с. 326). Общим мотивом двух комедий являются и жалобы их главных героев на просителей. Верховлет: «Просители! они прохода не дают» (Княжнин, 1961, с. 341). Сосипатов: «Сколько ко мне этих отставных генералов является – счету нет!» (Писемский, 1896, с. 309).

Наряду с главными героями комедий Княжнина и Писемского, некоторое сходство имеют и их второстепенные персонажи. Образ баронессы Кергоф («Финансовый гений») перекликается с образом Чванкиной («Хвастун»). В обеих немолодых героинях комически гиперболизируется сосредоточенность на собственной внешности, не соответствующая их почтенному возрасту (Княжнин, 1961, с. 333; Писемский, 1896, с. 329). Помимо этого, обе дамы не прочь весело проводить досуг. Чванкина обещает станцевать на свадьбе дочери «минавею» (Княжнин, 1961, с. 333), а после – Честону: «С тобою польш; всю ночь провеселимся все» (Княжнин, 1961, с. 366). Баронесса собирается ехать на концерт с пустейшим молодым человеком Шулькиным, на вечер с которым у нее свои планы: «...может быть, поедом с вами ужинать в какой-нибудь отель» (Писемский, 1896, с. 329).

Синонимичными оказываются и финалы пьес Княжнина и Писемского: в первой появляется благочинный с предписанием управы о привлечении враля к суду за распространение незаконных документов, во второй проходимцев арестовывает судебный следователь «за составление безденежных векселей» (1896, с. 354).

В комедии «Хищники» можно обнаружить черты преемственности по отношению к общественной комедии В. В. Капниста «Ябеда». Словом, вынесенным в ее заголовок, в XVIII веке назывались «беззакония, взяточничество, крючкотворство» (Русские драматурги..., 1959, с. 364), «подложные документы, клевета и подкуп» (Берков, 1977, с. 353), разгул бюрократизма (Битнер, 1947, с. 488). Капнист впервые выступил с обличением не частных пороков, а «ябеды» в целом как аморального общественного явления, «социального зла» (Берков, 1959, с. 263). Драматург обращает внимание на типичность ябеды как социального недуга, который свойственен не только одному провинциальному городу (Гуковский, 1939, с. 386). Праволов – «злой ябедник» (Капнист, 1973, с. 334), знающий, «как вывернуть указы!» (Капнист, 1973, с. 335), – стремясь присвоить имение Прямикова, дает взятки чиновникам, чтобы они подобрали законы для исхода дела в его пользу. По его приказу слуга и поверенный приносят Кривосудову взятку в виде вина, колбас, атласа и прочего «добра». В сознании чиновников само понятие благодарности лишено духовного аспекта, она целиком отождествляется с материальными дарами (Лебедева, 2014, с. 305). Кульминацией темы взяточничества является песенка прокурора «Бери, большой тут нет науки...» (Капнист, 1973, с. 411), которую подхватывают остальные чиновники. Однако взяточничество – не единственный порок членов Гражданской палаты: Бульбулькин «вечно пьян» (Капнист, 1973, с. 336), Атуев – «охотник страстный» (Капнист, 1973, с. 336), Радбын – «на словах заика» (Капнист, 1973, с. 336), Паролькин – азартный игрок (Капнист, 1973, с. 336), прокурор Хватайко – «существеннейший вор» (Капнист, 1973, с. 336), крючкотвор Кохтин умеет к протоколу «лист прибавить смело» (Капнист, 1973, с. 337).

В комедии Писемского «Хищники», в отличие от «Ябеды», царит атмосфера не взяточничества (взятка упоминается однажды: Андашевский «цапнул триста тысяч» (1982, с. 439)), беззаконий, крючкотворства,

а «интриг с целью получения мест» (Могиланский, 1965, с. 169), которые обозначаются словом «подкопы» и несут не меньшую социальную опасность, чем «ябеда». По цензурным соображениям «Хищники» до 1885 г. имели другое название – «Подкопы», которое, подобно заголовку комедии Капниста, обличает порочное общественное явление, социальную «язву». Об ориентации драматурга на отражение социальной проблематики свидетельствуют также первоначальные названия комедии, которые Писемский подбирал длительное время: «Большие замыслы», «Бескровная битва», «Гражданская битва» (Зелинский, 1895, с. 157). По наблюдению Л. М. Лотман (1982, с. 492), «подкопы» как явление наряду с финансовыми аферами оказывается в центре внимания в пьесах 1870-х годов. Чиновники уподобляются хищникам, которые стремятся заполучить «лакомый кусок» (Писемский, 1982, с. 482) – новые места на службе, приносящие материальные выгоды.

Завязкой «Хищников» становится известие о назначении Андашевского на высокую должность, что крайне оскорбляет обойденного Вуланда. Горько замечая, что «в службе все делается по протекции» (Писемский, 1982, с. 428), он замышляет аферу против фаворита начальства. В пьесе практически все герои стремятся к высоким должностям и добиваются их путем протекции и ценой пресмыкательства перед высшими чинами: и князь Янтарный («я могу занять и *большее*» (курсив А. Ф. Писемского. – И. А., Н. К.)) (Писемский, 1982, с. 470), и генерал-майор Варнуха, и Мямлин – племянник всемогущего князя Михайла Семеныча. В плетение интриг втянуты и женщины – глуповатая Сониная, самолюбивая жена Вуланда, дочь графа Зырова, цинично предающая отца. Кадровая ротация происходит совершенно буднично, без нравственных колебаний и «лишних» эмоций ее участников, хотя в пьесе дважды упоминается тот факт, что причиной освобождения того или иного места становится смерть чиновника, ранее его занимавшего. Идеологию «хищников» наиболее отчетливо выражает Андашевский: «...не предусмотри и прозевай хоть одну минуту, из-под носу утащат лакомый кусок. Вся задача в том и состоит, чтобы раньше других забежать!..» (Писемский, 1982, с. 482).

Вследствие того, что в центре внимания Капниста оказывается общественная «язва», в его пьесе отсутствует главное персонифицированное действующее лицо, что необычно для русской комедии конца XVIII века (Берков, 1977, с. 356): центральным отрицательным героем является не отдельный человек, а «вся система государственного аппарата Российской империи» (Битнер, 1947, с. 489). Как и в «Ябед», в «Хищниках» социальное зло также не персонифицируется в определенном действующем лице, поскольку объектом авторского внимания оказываются «подкопы», по силе социального воздействия тождественные «ябед». «Ябеда» как явление не только замещает главное лицо комедии, но и определяет характеристику персонажей: она размывает их «индивидуальные различия» (Лебедева, 2014, с. 315), в комедии Капниста отсутствует индивидуализация персонажей. Это обусловлено тем, что писателем изображается «мир бюрократии, ябеды в целом» (Битнер, 1947, с. 489). В «Хищниках» персонажи также не имеют индивидуальных черт, они предстают статичными и однолинейными (Лотман, 1982, с. 491), что обусловлено обнажением общественной проблемы – «подкопов»: тотальная порочность и условия времени, по замечанию М. П. Еремина (1959, с. 47), определяют упрощенную психику персонажей поздних комедий Писемского.

В комедии Капниста предстает «жуткая картина лихоимства и душегубства» (Янковский, 1964, с. 9), смешное уступает место страшному (чиновничья попойка, пьяный разгул и кощунственная песенка Хватайко (Битнер, 1947, с. 489)). Современники Капниста упрекали автора в том, что в «Ябед» смешное отодвигалось на задний план (Битнер, 1947, с. 490). Подобно «Ябед», поздние комедии Писемского, по замечанию А. И. Журавлевой, являются «невеселыми, страшноватыми» (1982, с. 595), в них присутствует мрачный и зловещий колорит (1988, с. 159). В «Хищниках» изображение социальной порочной системы подрывает «комедийную форму, сгущая драматические краски» (Журавлева, 1988, с. 151).

Роднит обе пьесы и типологически сходный финал, оборачивающийся для порочных персонажей катастрофой, причем если у Капниста к развязке приводит вмешательство высшей силы, в качестве которой воспринимался Сенат, столь же далекий для обывателей, как и небесный суд (Лебедева, 2014, с. 325), то у Писемского эквивалентом подобной внешней силы становится некий князь Михайло Семеныч, остающийся во внесценической зоне комедии. Цензор Н. А. Ратынский называет Михайлу Семеныча *Deus ex machina* (Могиланский, 1965, с. 169), поскольку в финале комедии именно письмо князя определяет, кто займет вожденное место главного начальника ведомства (Писемский, 1982, с. 500). В «Ябед» также есть функционально близкий внесценический персонаж, наводящий страх на чиновников, – Правдолюб. Его скорое назначение губернатором вызывает серьезные опасения: «О, упаси владыко! // <...> Правдив, как Страшный суд, безмезден, копотун» (Капнист, 1973, с. 384). Михайло Семеныч, в отличие от Правдолюба, не является носителем идеи справедливости, поскольку оказывает незаслуженное покровительство по службе родственнику, племяннику Мямлину, а также генерал-майору Варнухе, отличившемуся тем, что бил «несчастных ссыльных» (Писемский, 1982, с. 430).

Благополучие развязки «Ябеды» призрачно: несмотря на решение Сената, всеобщее наказание не наступит взяточников, ведь «с Уголовною Гражданская палата, // Ей-ей, частехонько живет запанибрата» (Капнист, 1973, с. 462). Капнист осознает неискоренимость взяточничества, которое «безнаказанно существует и долго еще будет существовать» (Берг, 1912, с. 168). В пьесах Писемского 1870-х гг. также отразилось неверие автора «в исторический прогресс»: в современной ему действительности он «видел только падение нравов, фантазмагорию, разгул страстей» (Лотман, 1982, с. 492). В финале комедии «Хищники», как и в финале «Ябеды», подчеркивается неистребимость общественного зла. Весь сюжет комедии, разворачивающийся вокруг постоянного перехода одного чиновника на служебное место другого, кольцевая композиция (известие о назначении

на должность в начале и в финальном эпизоде) подчеркивают бессмысленный автоматизм этой кадровой ротации. Драматическое действие и развязки комедий обоих драматургов обретают трагедийные обертоны, характерные для русской комедийной традиции (Лебедева, 2014, с. 13).

Заключение

Предпринятое исследование позволяет прийти к следующим выводам. Поздние комедии А. Ф. Писемского «Хищники» и «Финансовый гений» вступают в напряженный творческий диалог с традицией русской общественной комедии XVIII века, подтверждением чего является опора драматурга на художественные находки В. В. Капниста и Я. Б. Княжнина. Сопоставительный анализ пьес «Ябеда» и «Хвостун» с комедиями Писемского позволил выявить точки пересечения на уровне проблематики, сюжета, мотивов, способов отражения действительности, системы персонажей, приемов характерологии. В соответствии с традицией русской общественной комедии драматург обличает не частные пороки, а порочную среду, негативные социальные явления. В «Финансовом гении», как и в «Хвостуне», разоблачаются ловкий обман, аферы, протекционизм, сходным образом разрабатываются мотивы самозванства и неумного хвастовства. Связь «Хищников» с «Ябедой» проявляется на уровне проблематики – обличения социальной «язвы», которую Капнист именует «ябедой», а Писемский – «подкопами»: подобно взяточничеству, крючкотворству, беззаконию, сатирически осмеянным в «Ябедо», в «Хищниках» разоблачаются интриги чиновников с целью получения высоких мест по службе. Кроме того, общественное «бедствие» в обеих комедиях занимает место главного действующего лица, что стирает индивидуальные различия между персонажами.

Как и драматурги предшествующего столетия, Писемский завершает комедии событиями, оборачивающимися катастрофой для порочных героев, насыщает финалы трагедийными коннотациями, воплощая мысль о неискоренимости общественного зла. Развязки обеспечиваются вмешательством внешней силы, семантически эквивалентной Высшему суду. Ориентация Писемского на опыт комедиографов XVIII века свидетельствует о непрерывности функционирования национальной комедийной традиции в драматургии следующего столетия.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в комплексном научном осмыслении диалога комедий А. Ф. Писемского с национальной жанровой традицией.

Источники | References

1. Александрова И. В. Пути развития русской комедии первой трети XIX века. Симферополь: Доля, 2013.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Берг Э. П. фон. Русская комедия до появления А. Н. Островского. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912.
4. Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века // XVIII век. М. – Л.: Наука, 1959. Сб. 4.
5. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977.
6. Битнер Г. В. Капнист // История русской литературы: в 10-ти т. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1947. Т. IV. Литература XVIII века / ред. коллегия тома: Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий.
7. Благой Д. Д. Василий Капнист // Капнист В. В. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
8. Венгеров С. А. Алексей Феофилактович Писемский. Критико-биографический очерк. СПб. – М.: Т-во М. О. Вольф, 1884.
9. Веселова А. Ю., Гуськов Н. А. Комедии Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Комедии и комические оперы / сост., вступ. ст., коммент. А. Ю. Веселовой и Н. А. Гуськова. СПб.: Гиперион, 2003.
10. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М.: Учпедгиз, 1939.
11. Еремин М. П. Выдающийся реалист // Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Правда, 1959. Т. 1.
12. Журавлева А. И. Комментарии // Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
13. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988.
14. Зелинский В. В. Алексей Феофилактович Писемский, его жизнь, литературная деятельность и значение его в истории русской письменности. Критико-биографический очерк. СПб. – М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1895.
15. Иванов И. И. А. Ф. Писемский. Критико-биографический очерк. СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1898.
16. История русского драматического театра: в 7-ми т. / ред. коллегия: Е. Г. Холодов (гл. ред.). М.: Искусство, 1977. Т. 1. От истоков до конца XVIII века.
17. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / ред. Л. М. Лотман. Л.: Наука, 1982.
18. Казарян Н. С. Ранние комедии А. Ф. Писемского в контексте комедийной традиции Н. В. Гоголя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3.
19. Казарян Н. С. Черты дурака и балагура в образе персонажа комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12.

20. Лебедева О. Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Языки славянской культуры, 2014.
21. Лотман Л. М. Драматургия 60-70-х годов // История русской литературы: в 4-х т. Л.: Наука, 1982. Т. 3. Расцвет реализма / ред. тома: Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков.
22. Лотман Л. М. Островский и драматургия второй половины XIX в. // История всемирной литературы: в 9-ти т. / гл. ред. Ю. Б. Виппер. М.: Наука, 1991. Т. 7.
23. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма. М.: Художественная литература, 1969.
24. Манькова Л. В. А. Ф. Писемский – драматург: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1986.
25. Могиланский А. П. Цензурная история пьесы Писемского «Хищники» // Русская литература. 1965. № 2.
26. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Советский писатель, 1986.
27. Русские драматурги XVIII-XIX вв.: монографические очерки: в 3-х т. Л. – М.: Искусство, 1959. Т. 1.
28. Тимашова О. В. Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (32).
29. Тимашова О. В. П. А. Катенин и А. Ф. Писемский. Преемственные связи и полемика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 1.
30. Янковский М. О. Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. // Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. / сост., вст. ст., прим. М. О. Янковского. М. – Л.: Советский писатель, 1964.

Информация об авторах | Author information

Александрова Ирина Викторовна¹, д. филол. н., доц.
Казарян Надежда Сергеевна²

^{1,2} Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Irina Viktorovna Aleksandrova¹, Dr
Nadezhda Sergeevna Kazaryan²

^{1,2} V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

¹ iva-510@mail.ru, ² kazaryan.nadya@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2024; опубликовано online (published online): 16.05.2024.

Ключевые слова (keywords): А. Ф. Писемский; Я. Б. Княжнин; В. В. Капнист; национальная жанровая традиция; общественная комедия; A. F. Pisemsky; Y. B. Knyazhnin; V. V. Kapnist; national genre tradition; social comedy.